

Валя пишет, что ее внучке Соне было в то время 10 лет, следовательно – в 2009 году. Наверняка среди одесситов есть те, кто тогда тоже заметил в весеннем небе над Аллеей Славы, парком имени Шевченко, над морем журавлиный клин, но лишь она увидела за этим не только приметку весны, но и глубокий и знаменательный смысл...

Мы, ее друзья – дети войны, встречались с Валентиной на Аллее Славы в памятные весенние дни – майский и апрельский. Вспоминали, когда и где узнали о Победе, об освобождении Одессы, поминали своих близких – победителей и мучеников. Пили горькое вино...

Десятого апреля нынешнего года Валентины Голубовской не было среди земляков, почтивших память героев на Аллее Славы.

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня...
И в том строю есть промежутки малый...

Это был ее промежуток...

Валентина Голубовская была одарена многими талантами и знаниями. И еще – желанием и умением поделиться ими с другим таким образом, что каждый из нас ощущал, что ее слова и строки обращены именно к нему.

Валя оставила обширное и уникальное творческое наследие – размышления об изобразительном и литературном искусстве, об истории Одессы, о нравах и обычаях наших предков. Мы не раз обратимся к нему.

А сегодня – о журавлиной стае над Аллеей Славы.

Феликс Кохрихт

Валентина Голубовская

Журавлиный День Победы

Такого Дня Победы в Одессе за всю мою жизнь я не помню. Такого, наверное, и не было.

С утра в этот день мы обычно едем к могилам родителей, по которым война, как и по миллионам наших соотечественников, прошла своей чудовищной поступью, накрыла нестерпимыми страданиями, ни с чем не сравнимой бедой. Черное ее крыло накрыло и нас, кого теперь называют «дети войны».

Во второй половине дня, ближе к вечеру, мы поехали на Аллею Славы, когда уже отгремели военные оркестры, когда прошли официальные шествия начальников, возложивших свои венки к памятнику Неизвестному матросу.

Мы не успели выйти из машины, как Соня, наша десятилетняя внучка, закричала: «Посмотрите, сколько птиц!». Мы выскочили из машины и увидели летящую «эскадрилью». Четким строем, как на небесном параде, клин за клином летели журавли. Сколько их было?! Сотни, больше тысячи?! Мы не считали. Летевшие со стороны Аркадии, они пролетели над воинскими могилами, над памятником Неизвестному матросу, словно отдавая почести погибшим. Что это было? Знамение ли, исполненное глубокого смысла, силы ли небесные сошлись над этим воинским мемориалом, а может, действительно, души павших, тех, что «превратились в белых журавлей»? Мороз прошел по коже, глаза стали полны слез. Люди замерли, устремив взгляды к небесам, безмолвно провожая глазами улетающих в сторону порта небесных посланников.

А на Аллею Славы продолжали идти одесситы – старые, пожилые, молодые, с детьми, подростки. Кто с воинскими наградами, кто с палочками. И буквально все несли цветы, кто букет, кто веточку сирени. Вокруг памятника Неизвестному матросу вырос настоящий холм цветов, как холм памяти и славы. Цветами усыпаны были мемориальные плиты, цветами завалены были бордюры вокруг площади со взметнувшейся в небо стелой.

Не по «разнарядке», не по начальственному распоряжению, а по велению сердца, в память о дедах и прадедах, о родных и близких, о погибших на полях сражений, в морских поединках с врагом, в концлагерях, в гетто, в пороховых складах, на взорванном теплоходе «Ленин», на линии героической обороны Одессы, убитых во время бомбардировок нашего города, пропавших без вести во всех котлах и мясорубках страшной войны, подорвавшихся на минах, умерших от ран в госпиталях, когда война догнала и после Победы, одесситы пришли на Аллею Славы с этими цветами. И, в отличие от оскорбительной ошибки президента, заявившего о 65-й годовщине (это в 2009-м году!), они уж точно знали, сколько лет прошло со дня Победы.

А может, журавли пролетели над нами, и их «размах крыла расплавленный, полета вольное упорство» был вместо салюта, которого в День Победы не было?.. Не считать же салютом небольшой фейерверк в парке на проспекте Шевченко...

А за месяц до этого, в апреле, в День освобождения Одессы, я услышала по ТВ обрывок рассказа одного из участников войны, освобождавших Одессу. Сколько их вообще осталось, а тем более тех, кто может еще прийти на торжества и что-то вспомнить и рассказать...

Человек, вспоминая 10 апреля 1944 года, сказал: «Когда нам уже дали увольнительную, мы первым делом побежали к морю. Но к морю подойти не смогли из-за колючей проволоки».

Я вдруг задумалась. Когда же я увидела впервые море? Точно, после войны. Во время войны на море я не ходила. Но, может, из-за моего малолетства меня не брали на море? Я спросила у своей старшей сестры: «Лена, а ты с Таей (моя вторая сестра) во время оккупации ходили на море? Колючую проволоку видели?».

– О чем ты говоришь?! Какое море?! Война же шла. Нас никуда не выпускали – кругом румынская солдатня, облавы... Какое там море...

Ну, думаю, девочек никуда не пускали, может, кто-то больше знает. Спросила у нашего давнего друга, ровесника моей сестры, мальчиком пережившего оккупацию, тем более что всю свою жизнь он живет рядом с морем.

– На море ходили во время войны? О какой колючей проволоке вспомнил ветеран в телевизионной передаче?

И вот что я услышала в ответ. Немцы вошли в Одессу 16 октября. И, очевидно, не в первые дни, попозже, боясь повторения Керченского десанта, по всему побережью выставили орудия и все загнули колючей проволокой. К морю подходить никто не решался.

А я представила наше море, упрятанное за колючей проволокой почти четыре года.

Военнопленное море...

Чем дальше война, тем горше и острее воспоминания о ней.

И у каждого свой, сокровенный День Победы. Пусть и не журавлиный.